

18+

МАТЭ

Он ещё не знает, что мы расстанемся

- **Андреа Болейн**

Андреа Болейн

Матэ

«Издательские решения»

Болейн А.

Матэ / А. Болейн — «Издательские решения»,

Героиня задыхается от серой рутины, одиночества и болезни матери. Внезапно засыпая, она проваливается в свои студенческие годы. Сохранив опыт и боль взрослой женщины, она заново проживает юность и заводит тайный роман с Лешей, которого раньше избегала. Она оказывается разорвана между спасительным миром прошлого, где мама еще здорова и есть любовь, и мрачным настоящим. Это история о мучительном выборе: прятаться в сладких иллюзиях или найти смелость отпустить прошлое ради будущего.

© Болейн А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Прекрасный сон моей юности	6
Глава 2. Хочу уснуть сном Белоснежки	11
Глава 3. Вернулась в 2004 год	16
Глава 4. Не только зумеры не любят работать	20
Глава 5. В первый раз?	23
Глава 6. Жалость аргентинского актера и ролики	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Матэ

Андреа Болейн

© Андреа Болейн, 2026

ISBN 978-5-0070-4777-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Прекрасный сон моей юности

Голова раскалывается. Я пыталась уснуть, но уже утро и светает. Из глаз текут слезы, но я не понимаю то ли я плачу, то ли так сильно слезятся глаза. Меня все раздражает, бесит, любой звук.

У меня в голове было столько мыслей, но когда я захотела поймать хоть одну, они все разбежались. Мне то жарко, то холодно. Каждое утро в зеркале на меня смотрит незнакомая тетка с грустными, потухшими глазами. Не люблю смотреть ей в глаза.

Моя рутина, правила, по которым живу. Утром встать, надеть свой костюм. В офисе держать лицо, но главное — не выделяться. Все так скучно, предсказуемо. Нет сил что-то менять. Нет сил стремиться к чему-то.

Мой обычный день, но он так скучен, что одна мысль об этом... Это как сидеть в школе на скучном уроке и смотреть в окно. Ты видишь свет, видишь птиц и зелень, или идущий снег, или тучи с дождем, но ничего не слышишь. Только треск от лампы, молчание тридцати человек и шелест журнала с оценками.

Вот такая моя жизнь — как на скучном уроке с бездарным учителем. В любой момент может «прилететь», но ты повинешься, потому что сил противостоять — нет. Моя бытти-подушка с эффектом памяти впитывает в наволочку из шелка мои слезы, образуя разводы. Понять, что такое «любить», вспомнить, воскресить пепел прошлого. Попытаться вдохнуть жизнь в воспоминания, выцветшие, ставшие бездушными картинами, хранящиеся в моем разуме.

Что-то, наверно, меня жалеет и дает мне сон, небольшую паузу от навязчивых мыслей и самокопания. И я сплю, проваливаясь в колыбель спокойствия и уюта...

Что это? Падаю? Проснулась. Нет. Какой-то сон просто, где я падала. Шторы и обои, как двадцать лет назад. Односпальная кровать. Где я? Еще не проснулась? Встаю. Мой школьный письменный стол. Мои тетрадки и книги. На ватных ногах я шагнула вперед. Шкаф, в нем моя одежда из прошлого, из прошлой жизни. Костюм из пиджака и юбки с рисунком, как на обивке дивана. Смотрится как платье, если пиджак застегнуть на все пуговицы.

Я обернулась на движение, замеченное краем глаза. В зеркале была испуганная, немного потерянная девочка, похожая на меня. Что за сон такой? И такой реальный?

Звуки на кухне. Шебуршащие звуки на кухне. Сколько в них было обволакивающего тепла. Мне не хотелось двигаться, просыпаться и спугнуть этот момент. Момент, когда все хорошо и вся жизнь впереди, а позади надежный тыл, и ты не одинока. Давно забытое ощущение.

— Солнышко, ты проснулась? Пора завтракать! Идем.

Эти слова дали немного уверенности в стойкости момента и в его постоянстве. Смело двинулась на кухню. Тихо работал телевизор, пахло поджаренным хлебом. Там была мама, молодая и красивая.

— Мне пора, не опоздай в универ.

Универ? Мне надо в мой универ?

— Мам...

Повисла пауза, поперек горла встал ком, который не давал говорить. Мама остановилась и не понимающе меня разглядывала, как будто догадалась.

— Мам, а какое сейчас число?

— Третье сентября — ее голос был мягким и бархатистым, как лапки у кошечки.

— А год?

— Кого-то поднять, подняли, а разбудить забыли, — сказала она и обняла меня. — Сейчас 2005 год. Ладно, мне пора бежать, пока-пока.

И она исчезла так быстро и ловко двигаясь, как не было уже давно. Так приятно ее такой видеть, может, я могу что-то исправить?

В рот особо ничего не лезло, поэтому завтрак я не тронула. Умылась. На меня в зеркале смотрели детские глаза, детское лицо, мне казалось оно чужим. Это точно я? Я точно была такой?

Я рассматривала каждую черточку, которую уже подзабыла. Каждая из них мне казалась прекрасной. Вернулась в комнату, распахнула шкаф, провела рукой по одежде. Все вроде бы так реально.

Надела свой любимый наряд. Он налез спокойно, даже место осталось. Уже забыла, какой худой я была, какой могла быть стройной.

Не без труда разобралась в своих старых тетрадках, посмотрела расписание. Сегодня только лекции.

Мой телефон — раскладушка с двумя экранами. Открываю. Тогда никто даже не думал, зачем на телефон ставить код доступа. Просто открываешь и все. SMS от подруги: «Что у тебя с ним?». С кем с ним? О ком речь вообще? Убей, не помню.

В прихожей меня ждал сюрприз. Ну, как сюрприз, я просто совершенно забыла, что ходила только на каблучках в юности. И часто на шпильках. Но я столько лет ходила на плоской подошве. Выбрав наименее страшную высоту и более устойчивые с удивлением обнаружила, что тело помнит, и я даже ходить в них могу.

Вышла и направилась к автобусу. Не знаю, сон это или я сошла с ума. Если сон, то ничего страшного не случится и никак не повлияет на меня, мою жизнь. Если сошла с ума, то в таком безумии гораздо приятнее, чем в моей реальности. Было так легко идти и двигаться, как будто порхала с каждым шагом.

Солнце светило ярким, жгучим светом, осень не чувствовалась вообще. Выбегая из автобуса, я направилась к универу. Мне не терпелось его увидеть, я жаждала заново пройти мимо фонтана, я жаждала увидеть свою подругу, еще до той ссоры, когда мы понимали друг друга и были близки, молоды, наивны и не так избирательны. У нас не было друг к другу претензий, недовольств и прочей взрослой ерунды. Мне так хотелось ее увидеть озорной, доброй, невинной.

Зайдя в аудиторию, светлую и только отремонтированную, с новыми креслами, от которых пахло пластмассой, я увидела машущую мне Надю. Мое сердце замерло, оцепенело, сжалось и потом начало таять. Смотря в ее искренние глаза, я простила все обиды, все жуткие слова, что она мне наговаривала в последние годы нашей дружбы, простила ее пренебрежение, вечную зависть и недовольство. Потому что сейчас этого еще не было. Я тихо подошла и села рядом с ней.

— Привет — каким-то не своим голосом и опять со сдавленным горлом сказала я.

— Привет! Ты не ответила мне на сообщение, ну так что?!

Вошел преподаватель и прервал нас. Надя с возмущенным взглядом смотрела на меня, я пожала плечами, как невинная овечка, решив подыграть ее любопытству. Невольная улыбка вырвалась на мое лицо. Так приятно иметь близкую подругу. Я уже и забыла как это.

— Ты мне расскажешь или нет? Что у тебя с ним?

С кем с ним? Не понимаю... О чем речь? В голове пусто, ничего нет.

— Ты о ком сейчас?

— Ой, да хватит глупой прикидываться, он так на тебя смотрел, что у вас?

Яснее не стало, но стало меня раздражать, этот допрос с пристрастием.

— Так давай по порядку, кто он? — мой голос прозвучал не по-детски знакомо, холодно, строго, даже как-то металлически. Как будто я на работе, отчитываю подрядчика.

Немного смутившись, не ожидая такого резкого ответа, переменив лицо, Надя ответила:

— Ну, Леша... Кто еще? — ее глаза стали не такими озорными и веселыми. Может, от таких резких ответов между нами и прошла трещина, переродившаяся в глубокий овраг недопонимания. — Ты сегодня какая-то странная.

Леша... Но кто такой этот Леша? Был один с кем я училась, Алексей Т., сын ректора Т., у него была сестра, тоже закончила с красным дипломом и потом пошла в науку. У них вся семья была академиками.

Я помню, он оказывал мне знаки внимания на всем протяжении, пока мы учились, но почему-то мне не нравился. Вроде, он был красивым и умным, многих девушек интересовал, но почему он не был интересен мне, я не помню. Я много училась и хотела закончить с красным дипломом, и удалось.

Так где же он? Должен быть с нами на лекции. Обернувшись и окинув взглядом аудиторию, не нашла его.

— Кого высматриваешь? Спросить-то можно?

— Да так, просто, как-то мало народу сегодня.

— Половину курса отправили на диспансеризацию, ты забыла? Придут ко второй паре.

— Девочки, ну хватит сплетничать, вы всем мешаете!

Да, давно мне не делали таких замечаний, даже забавно. И лекции я давно не писала. Это даже приятно, узнаешь что-то новое. Хотя я, по идее, должна была это уже знать.

Лекция закончилась, и так как следующая должна была быть тут же, мы просто оставались на своих местах, болтая.

— Ну что, в следующую субботу мы пойдем куда-нибудь?

— Мы куда-то собирались?

— Да, давай пойдем в новый клуб Zona, там все как на зоне: цепи, решетки, очень круто.

— Хорошо, раз собирались, давай пойдем.

— В чем ты пойдешь? Ты решила?

— Да, я могу сфоткать наряд и прислать тебе или по видео созвонимся.

— Куда прислать? На email? И как я его посмотрю, у меня же компа нет. По видео, ты вообще о чем?

Я и забыла, что сейчас 2005 год, и WhatsApp нет, и камер на телефонах нет (ну, на каких-то была камера, но по ней было видно 3 пикселя) и мобильного интернета нет. Все общаются звонками и SMSками. Так странно.

— О чем думаешь? Так мы пойдем?

Дверь распахнулась, и в аудиторию ворвался поток новых студентов. Глазами невольно искала его, сердце начало колотиться. Не знаю почему. Может, из любопытства. На Надины вопросы отвечать приходилось невпопад, сейчас я ждала с содроганием его, почти забытого.

Спокойно, сдержанно и уверенно, он выделился среди толпы, прошел мимо и сел на два ряда позади в диагональ, так что я без труда могла видеть его боковым зрением. Наверное, если бы мне было 20 лет, я бы не посмела обернуться и уставиться прямо на него. Но мне не 20.

Я смотрела на него, вынимая душу, мне было интересно, что думает человек, которому я нравлюсь, почему я нравлюсь, почему именно я? Я могу нравиться?

Он напрягся и немного съехался, долго смотря на меня. Молодой и красивый, высокий, с широкими плечами, уверенными спокойными движениями, всегда сдержан, перед ответом делает паузу, продумывая ответ. Он казался идеальным. Кто-то похлопал его по плечу, и он отвлекся.

— Надь, скажи, а что было вчера, мы же были в универе?

— Ну да, ты не помнишь?

— Помню, но почему ты спросила, что между нами? Что-то произошло?

— Да, Леша сказал, что расстался с девушкой и смотрел на тебя, а ты на него.

— А, да, точно, я его еще поздравила?.. — сказала я растерянно.

— Что? О чем ты? Ты молчала. Не понимаю я тебя. Тебе он действительно не нравится?

— Нет, не думаю.

После второй лекции все стали спешить в столовую на обед. Когда я встала, кто-то пробежал мимо, и все мои листочки из блочной тетрадки разлетелись, как фейерверк по всей аудитории.

— Вот блин, — сказала я с досадой.

— Я тогда пойду займу нам очередь в столовую, а ты соберешь и подходи.

— Хорошо.

Ходя по аудитории и собирая листочки, я не заметила, как она опустела. В аудиторию вели двойные двери, между ними мог поместиться человек, наверное это было сделано для шумоизоляции. Когда я выходила сквозь них, кто-то взял меня за руку, за запястье, нежно и сильно. В голове сразу забились кровь, жутко, я была одна.

— Давай поговорим, — из темноты вышел Леша. Что тут происходит? Было и страшно, и приятно одновременно. В голове мелькнуло: «Как на эмоциональных качелях». Меня словно парализовало.

— Твои глаза... Они другие. Снова, — что значит «Снова»? Так это все-таки не сон, я не первый раз возвращаюсь в прошлое. Почему я ничего не помню? И этот его взгляд...

— Что? Подожди, что ты имеешь...

Он начал тянуть меня к себе, очаровывая своим обаянием, обволакивая нежностью. Где-то внутри отозвалось эхо — смутное, но властное, — воспоминание о чувстве, тянувшее меня к нему.

— Иди ко мне, нас никто не видит, я так скучал по тебе, ты же моя тишина... — Он нагнулся, нежно обнял и прикоснулся своей страстью к моим губам с какой-то горячей жадностью. Абсолютно ошарашенная, я даже не сделала никаких попыток отстраниться. Заметив мою оцепенелость, он начал отступать. Во мне что-то перемкнуло, переключилось, зажглось. Я потянулась к нему, как к последнему островку моей надежды, запустила руки в его волосы, прижалась всем телом. Наверно, подростковые гормоны ударили мне в голову, все поплыло. Все слишком откровенно, слишком быстро... Мне не хватало воздуха, и сердце так билось... Растворяясь, теряя себя в этом полубезумном порыве, мы целовались, не знаю сколько. Вернул меня к реальности звук SMS. Я открыла глаза и отстранилась. В его руках появилось напряжение, переходящее в стальное оцепенение.

Сообщение было от Нади: «Ты где? Очередь уже подошла? Что тебе взять?»

— Мне надо ответить, — я высвободилась, ответила подруге, что не голодна, и выставила руки, отстраняя его. Глубокие глаза начали наполняться холодом.

— Так подожди, что ты имел ввиду под «Снова»? — я как будто отчитывала сотрудника.

— Ты мне скажи, — его глаза широко открылись, — Ты то сама флиртуешь со мной, то делаешь вид что ничего не было!

Он сделал паузу, а я нахмурилась.

— Да ты сама выдумала эту игру, то ты приближаешься, то отдаляешься! — впервые я видела его таким рассерженным, мне казалось, еще чуть-чуть, и он ударит меня. — Почему ты просто не хочешь начать встречаться? Что не так? Я расстался с девушкой в очередной раз, ты тоже одна. Только что мы целовались, и было все отлично, или тебе не понравилось? Или ты не целовала в ответ?

— Я не уверена, что могу дать тебе свое согласие, — пробормотала я и отвела глаза. Мой мозг был в замешательстве, я яростно думала, но не могла ничего понять.

— Нет, объяснись! Почему не можешь? Почему ты тогда так смотрела на меня на лекции? Мне надоело, просто надоело, — он развернулся и ушел.

Неужели я могла забыть свой роман? Или мы впервые целовались? Или я меняю свое прошлое? Или я просто сошла с ума окончательно и запуталась во всем?

Почему мы не встречались? Он хорош собой, из хорошей семьи, и меня явно к нему тянет, нет причин, вроде как... или встречались?

Я молча брела по коридору и пыталась вспомнить, как было на самом деле. У него были какие-то девушки, он их всегда внезапно бросал. Потом был один какое-то время, и опять начинал встречаться с кем-то. Помню, на вручении дипломов он смотрел на меня грустными глазами, как будто прощался. И главный вопрос — что происходит? Может, потерять Надю?

Надя спокойно доедала свой обед, мелко разрезая каждый кусочек на тарелке.

— Ты экономишь или опять на диете? Почему не пришла на обед?

— Да что-то не хочется. Слушай, а почему Леша расстался со своей девушкой, ты не знаешь?

— Нет, знаю не больше твоего. Ты же сказала, что он тебе не нравится, так почему спрашиваешь? — Надя поджала губы, показывая свое недовольство.

— Просто интересно, а как Аня? Он же ей всегда нравился.

— Да, но она же ему нет. Вот что это? — Надя подняла вилку с подозрительным, на ее взгляд, кусочком пищи. — Это можно есть?

— Ешь уже, — меня всегда раздражала ее манера поглощать пищу, проверяя каждый кусочек. — У них много общего, он вроде «падок» на умниц-красавиц.

— Любит умниц, но не умнее его, — Надя ухмыльнулась, брезгливо отодвинула подозрительный кусочек и принялась за новый. — У нее больше баллов было за итоговый тест на экзамене, помнишь?

— Да все равно им обоим 5 поставили, какая разница.

— Для него? Огромная! — Она посмотрела мне в глаза отложив вилку. — Он весь день потом ходил чернее тучи. Зрелище было то еще.

Надя ничего нового мне не сказала, мои вопросы остались без ответа. Самое странное, что какие-то воспоминания полные, а какие-то словно отрезанные, без продолжения, как будто заблокированные. Но если я действительно попала в прошлое, и, возможно, уже не в первый раз, то, вероятно, я что-то уже изменила. А вдруг я напортачу, сделаю кому-то плохо?

Глава 2. Хочу уснуть сном Белоснежки

Лекция. Парта. Мои руки держат блочный листочек. Не могу понять ни слова из того, что говорит преподаватель: ни предмет, ни тему, ни суть. Поцелуй на губах жжет мою память. Помню его взгляд — долгий, то нежный, то грустный. Помню, как он пытался завести разговор об учебе. Я всегда боялась его поддерживать, боялась, что он поймет все: степень моей глупости. Если бы я хоть немного походила на Аню, может, я была бы смелее.

Надя усиленно строчила за преподавателем, выводя круглые буквы одна к одной. Она, как и я, закончила с красным дипломом, но потом просто вышла замуж и карьеру не строила. Столько стараний, чтобы потом просто стать домохозяйкой.

Так, вспомнить я не могу. Тогда давай мыслить логически. Сон? Это все сон? Самый простой и верный ответ. Но он такой реальный и долгий. Безумие? Я сошла с ума, и мне это все кажется? Но для безумия мир слишком логичен, структурирован и последователен. Я действительно как-то попала в прошлое? Но как я попала и надолго ли здесь? «Снова», — пронзительные слова Леши пронесли в моей голове. Он знает, что я... Если я вернулась, зачем я тут? Это случайность? Жизненный урок, который я не усвоила?

Его губы также горят?...

Мой взгляд скользнул за плечо. Он сидел, ссутулившись над тетрадкой, и нервно теребил ручку, опустив взгляд. Лекцию он тоже не писал.

Он сейчас думает обо мне? Я возвращаюсь к нему не первый раз? Он помнит меня, другую? Мы вместе? Почему тогда Надя не в курсе? Почему он не объявляет меня официальной девушкой? Он меня стесняется? Я не из его лиги? Хотя стоп, по его словам, это я не хочу встречаться и играю. Мне это вообще не свойственно — играть с кем-то. Я просто не умею этого делать, как и строить отношения в принципе.

— Лекцию будешь писать? Или опять у меня попросишь конспекты?

— Попрошу у тебя, не могу сосредоточиться. Ты же меня выручишь?

— Пиши давай!

Видимо, Надя все еще обижалась на меня. На перерыве мне захотелось загладить свою вину перед ней. Может, наши отношения не обречены, еще.

— Послушай, ты злишься на меня? Прости, я действительно не понимала, о ком ты спрашивала с утра.

— Ого, извинения — это что-то новенькое. Никогда не думала, что дождусь.

По ее закрытой позе с перекрещенными руками и ногами, в которую она села после моих извинений, казалось, что она, наоборот, еще больше на меня обиделась.

— Почему? — сдерживая улыбку, спросила я.

— Ты у нас всегда права, поэтому, — сказала она и отвернулась, такая милая.

— Надь, — я взяла ее за предплечье и начала трясти, — ну, прости... ну, пожалуйста...

— Ладно, — она потеплела, раскрылась, расслабилась, и на лице появилась ее чудесная улыбка. — Хватит меня трясти! На первый раз прощу такой надменный тон.

Она отряхнула мои руки, поправила рукав блузы:

— Так и думала, если честно, что Яна преувеличивает.

— По поводу?

— По поводу вас с Лешей. Она сказала, что вы вчера так друг на друга смотрели, — Надя произнесла это шепотом прямо мне в ухо и хихикнула.

Мне вспомнился скрытый в тамбуре поцелуй, и губы опять начали пульсировать.

— Яна любит приукрасить...

— Ты парня не хочешь себе завести? Так и пройдет вся молодость за учебниками.

— Уже прошла... — тихо сказала я.

— Что? Ой, я познакомилась с таким красивым мальчиком! У него мама работает вместе с известным модельером. Мы завтра с ним встречаемся. У него такая сумка дорогая, с вышивкой, ты бы видела.

— Ммм... поздравляю, — я не могла отделаться от воспоминаний, во мне всплыли какие-то тревожные чувства.

— Завтра он за мной зайдет после универа, я тебя с ним познакомлю. Посмотришь, оценишь, — она игриво на меня посмотрела. — Ну что ты такая мрачная?

Сзади донесся обрывок разговора.

— Леш, ты куда?

— Не хочу сидеть рядом с людьми, которым я неприятен, — Леша прошел мимо моего ряда вниз по лестнице и вышел.

Его слова больным уколом вонзились в меня. Вдруг он расскажет кому-то? Стало не по себе.

Всю следующую лекцию, по пути домой в автобусе и по дороге от остановки меня преследовала тревога, от которой я не могла оторваться, хотя я почти бежала. Что, если о нас узнают? Об этом поцелуе? Все будут это обсуждать, оценивать меня как его новую девушку. Останемся ли мы подругами с Надей?

За углом дома я заметила то ли тень, то ли человека. Так мне уже кажутся маньяки повсюду. Я зашла домой, здесь должно быть спокойно. Хорошо. Но что, если я меняю прошлое, уже меняю? Не хочу ничего менять. Пусть будет как есть. Поднимаясь по лестнице домой, я дотронулась до прохладной шероховатой стены, из окна на меня смотрел летний вечер. Я схватилась за гладкие перила, боясь уходящей из — под ног опоры. Здесь так тихо, холодно, а с ним так... Меня как будто ударили в живот, стало так страшно, совсем забыла, как это пугающе... Пусть лучше будет тишина. Надо дойти до квартиры.

— Солнышко, ты сегодня рано, — уставший, но добрый взгляд мамы. Мама, как ты сейчас? Кто заботится о тебе сейчас, в настоящем? Все как-то зыбко стало... словно падаю... обратно...

Утро. Не хочу открывать глаза. Мне что-то снилось, что-то светлое, лето... Повернулась на бок. Зажужжал браслет на руке. Надо вставать. Я взглянула на окно. Через него едва пробивался свет. Передо мной стоял туалетный столик, справа от него — старый телевизор, который я ни разу не включала, как въехала сюда. Слева от моей кровати был книжный шкаф с детективами. Я как-то читала одну книгу из него, но она мне не понравилась. Мебель была советское ретро: коричневая, с сантиметром лака, по краям облупившегося от времени. Когда я выбирала эту квартиру, смотрела больше на цену и необходимый функционал: плита, холодильник, стиралка, кровать. Теперь этот скудный функционал и старая мебель ещё и обрасли моим хламом и грязью.

С трудом собрав себя в кучу, я спустилась вниз и пошла к своей машине. Она была маленькой и зелененькой. Внутри тоже полно всего: какие-то коробки, пакеты от фастфуда, упаковка. Я схватила парочку в руки и поняла, что это покупки с китайского сайта, которые я забыла открыть. На зеркале у меня был повешен амулет «Инь и Янь» — подарок от подруги. Она подарила мне его давно. Я потрогала его и завела машину.

Припарковавшись на местах для опоздавших неудачников в ближайших дворах от офиса, я направилась по знакомой тропинке. Ноги прямо не идут туда. Дождь, слякоть, лужи. На вершине лестницы около входа стояла Наталья. Она была без сумки. Видимо, уже отметилась и вышла на воздух. Формально она была моей начальницей: старший куратор всех менеджеров проектов. Она тут дежурит, что ли? Проверяет, кто во сколько пришел?

— Почему опять опаздываете? — она декларировала рупорным тоном.

— Долго парковалась, — как можно спокойнее и равнодушнее произнесла я, чтобы только она не приняла это за оправдание.

— Ну так надо заранее приезжать, чтобы место не искать. Или ездите на автобусе, его парковать не надо, — на лице у неё была ухмылка.

— Хорошо, я подумаю над этим... — твои провокации бесполезны.

— Еще раз увижу, что вы опаздываете, будут последствия!

Она часто так делала. В её обязанности входила координация некоторых рабочих процессов. Мы были одного возраста, но в компании она работала дольше. У неё были густые кудрявые черные упругие локоны. Она пыталась их укладывать в деловую причёску, но всё равно походила на восточную красавицу, и почему-то в офисной одежде. Я прошла мимо неё и пикнула своим пропуском, зафиксировав опоздание электронно.

За стеклянными дверями был светлый мраморный пол и высокие стены такого же холодного оттенка. Ничего лишнего: ни картин, ни других декораций. Всё строго. Около лифта была толпа, и я пошла по широкой лестнице. Моя походка в лоферах по коридорам офиса была молчаливой и немного виноватой. Высокая стойка ресепшена, как айсберг, всплывала из пола. Наверху, из-за этой глыбы, выглядывала секретарь. Со своей молодой белой кожей и тёмными волосами она могла бы претендовать на роль Белоснежки. На меня подул из кондиционера. Температура в здании всегда была одинаковой, независимо от времени года — плюс восемнадцать. В коридоре не было окон, но это не мешало ему быть самым светлым местом в здании.

— Доброе утро, — пролепетала секретарь.

— Доброе, доброе. Скажи, наш босс уже у себя? — я оперлась ладонью на айсберг и заглянула поверх него на девушку.

— Да и ждет вас! — как обычно, не подавая виду, сердце ушло в пятки. Проблемы с проектом? Нет нужных подрядчиков? Наши ангелы-меценаты опять хотят линию в виде кошечки? Беру себя в руки, без паники раньше времени. Это невозможно терпеть! Как хочется все бросить и сбежать куда-то! Да что опять случилось? Почему именно меня ждет? Не одна же я тут завязана! Мне так надо передохнуть, просто еще один день в этом аду, а потом домой, там тихо, там никого и как за каменной стеной, уснуть и не думать. Мне сегодня снилось что-то хорошее, что только? Хочу туда, вспомнить бы... Надя?

Пока я снимала свое строгое двубортное пальто из плотного кашемира и направлялась в кабинет, где меня ожидали «на ковер», мои мысли наполнили воспоминания о подруге юности. Мы дружили с первого курса до последнего, но по мере взросления становились все дальше и дальше друг от друга. Мы всегда сидели вместе, но на последних курсах между нами была словно пропасть. Игнорируя ее, наверно, мы думали, что решаем проблему, но она становилась все больше и больше, и потом от нашей дружной близости совсем ничего не осталось.

— Про опоздание я молчу, но что с проектом? — передо мной за большим столом сидел красивый статный мужчина с темными как уголь волосами и глазами. Его морщины придавали ему шарма и важности. Всё в офисе звали его по имени и отчеству: Олег Петрович.

— Все нормально с проектом, в срок уложимся, — главное не показывать волнение, не показывать.

— Почему до меня доходят сведения, что наши поставщики задерживаются? Это правда? — в тоне чувствовалось раздражение, граничащее с пренебрежением.

— Впервые слышу, сейчас все уточню, — равнодушнее, равнодушнее.

— Вы уже должны были уточнить, — он нервно встал, подошел к окну, задумчиво и сердито, глядя вдаль, сказал: — Вы никогда не подводили меня раньше. Идите и просто работайте. О всех проблемах хочу узнавать от вас, а не от сторонних сотрудников.

— Хорошо, — мой голос был тихим и спокойным.

Не знаю, кто ему поет эти песни, хотя я знаю, кто под меня копает. Что ей нейдет? Она вечно копает, копает... вечная мышьяная возня. Ольга...

С недавних пор на меня нацелила внимание одна коллега. У неё были русые волосы, которые она тщательно красила в дорогой блонд у личного колориста. Парикмахер у неё тоже был свой. Она ходила к нему много лет. Стрижка и укладка были идеальны. Никогда не видела её в брюках: всегда или платье-футляр, или юбка-карандаш. Блузки были разного фасона, формы, всегда шёлк, всегда белые. Безукоризненно белые. Макияж был неяркий, но он всегда был. Духов её не помню. Может, не пользовалась, а возможно, их затмевали другие офисные парфюмы. Её дни рождения всегда праздновались с шумом. Она заказывала еду на весь отдел и наливала шампанское в своём кабинете.

Ссоры и ругань у неё были не только со мной. Она ругалась со многими. И тут никто не знал, как быть. Если прогнуться, то она будет и дальше вытирать ноги; если дать отпор, то она начнёт свою кампанию по выживанию из компании.

Олег Петрович с ней часто совещался у себя в кабинете. Многие крупные сделки проходили под её надзором. Наши кабинеты были рядом. Я часто видела, как он проходил к ней с документами в руках.

Я вернулась к себе. Встречи, совещания, звонки, переговоры. Иногда я себя чувствую не менеджером проекта, а секретаршей кучи людей: согласовать, перенести, уточнить, подтвердить, провести, отправить, запросить, выяснить.

Настал обед. Пишу сообщение подруге: «Пойдешь на обед?»

Ответ: «Нет, ешь без меня, занята».

Клава, как обычно, опять занята. Я уже и не помню, когда я обедала не одна. А ведь когда я устроилась в ту же компанию, что и она, мы обе радовались. Пять лет прошло.

Раньше это спасало меня от рутины. Мы шутили, обменивались сплетнями.

— Ты слышала, что Миша брал кредит для оплаты программы похудения для его жены? — Клава перебирала свою пасту вилок, чтобы она быстрее остыла.

— Нет. Подожди. Зачем кредит брать? Может, просто на диету сесть?

— Диеты из интернета это для простых смертных. Ты видела его жену?

— Нет.

Она залезла в свой телефон и откопала фотки с корпоратива.

— Это она? — я видела красивую девушку модельной внешности.

— Да! И наш лошарик Миша.

Давно мы никого не обсуждали. От тарелки супа идет дым, приятно пахнет, сверху насыпана зелень и заботливо выложены сухарики. Тарелка теплая, суп горячий. Все любят обед, в офисе.

Я открыла соцсети. Первая картинка — фотография Клавы в театре. Когда она успела сходить? И почему не позвала? Что за пьеса? Мы вроде вместе хотели на нее сходить. Даже не сказала, что ходила.

Меня укололо чувство ревности или зависти. Мне вообще пойти не с кем, она же знает. Хоть фотку бы не выставляла. Ей совсем на меня плевать? Почему все так? Почему я вечно одна? Чем я так отпугиваю людей?

Чем больше у меня становилось работы, тем дальше мы становились. Когда я только пришла в компанию, выполняла роль организации выставок и семинаров. И, наверно, занималась бы этим до сих пор, если бы мне не поручили однажды тестирование функционала приложения. Разработчики много внимания уделяют красоте кода, но далеко не все любят нажимать на запрограммированные ими кнопки. Плюс, у меня не техническое образование, и моя проверка перед запуском максимально приближена к рядовому пользователю. В те далекие и светлые времена у меня хватило заряда не только на тесты, но и на инициативу: контроль по исправлению багов. Запуск проекта был гладким, и мне решили доверить небольшой проект.

Проекты становились больше, функционал — сложнее. Но последние пару лет... Всё одно и то же. Большинство проектов заворачивали на середине. Какие-то уходили в запуск, но я к ним уже не имела отношения.

Рабочий день закончился. Опять дождь, сейчас все будут тупить на дорогах, пробки, проклятые пробки. В машине холодно. В душе холодно. Мама... как у нее дела? Она мне вроде бы снилась сегодня. Молодая еще.

— Что это?! — Я выезжала с парковки. Из куста мне под машину бросилась девушка. Я затормозила в самый последний момент. Она обернулась на меня, сказала какие-то ругательства и пошла дальше. Руки трясутся, ноги трясутся. Еще не хватало сбить кого-нибудь. Надо быть внимательнее.

Как все медленно: время, люди вокруг. Все как резина, тянется и тянется. Скорей бы доехать. Может, набрать в ПНИ маме?

— (Долгие гудки, один длиннее предыдущего) Алло! — кто-то резко и звонко произнес.

— Я хотела спросить, как дела у пациентки В.И.?

— А, это вы. Да, у вашей мамы все хорошо, она поела, сейчас смотрит со всеми сериал.

— Хорошо, спасибо, отлично. До свидания.

— До свидания!

Мама, надо к ней съездить все-таки, хотя бы посмотреть на нее. Я же ее помню. Руки все еще трясутся после этой ненормальной.

Дома тихо, привычно, можно выдохнуть до завтрашнего утра. Я наконец одна. Можно снять деловую одежду и деловое лицо. Не хочется готовить, пусть опять будет фунчоза. Это же не совсем фастфуд, даже немного полезно. Я вскипятила чайник, чтобы залить лапшу быстрого приготовления. Он вскипел и выключился. Не знаю как, но упаковка с залитым кипятком опрокинулась и обдала горячей лапшой внутреннюю часть запястья. Я сразу засунула руку под холодную воду, но она все горела и горела. Это была последняя фунчоза, почему из рук все валится? Почему я не могу ничего сделать нормально? Рука болит, как хочется просто свалить от всего этого.

Некоторое время спустя я иду к своему туалетному столику, заросшему пылью. Там аптечка. Найдя что-то от ожогов, я подняла взгляд на безмерное количество спящих сном Белоснежки баночек. Половину из них, наверное, пора выкинуть — они просрочены. Не знаю, когда я начала их коллекционировать. Мало просто купить, нужно же еще этим пользоваться, но утром нет времени, вечером сил. И они просто ждут меня, как своего принца. Боль в руке утихла и стала скорее приятной, чем жгучей.

Ложась спать, я все еще ощущала ожог на руке приятно пульсирующим. Возможно, ко мне тоже придет принц, как к Белоснежке, и поцелует на ночь? Мне что-то такое снилось: жгучее и пульсирующее, как поцелуй. Что такое... я сползаю с кровати... падаю...

Глава 3. Вернулась в 2004 год

Звонок моего старого телефона. Я резко села.

Опять этот сон? Я в нем! Я вернулась! Какое число? 3 сентября? Опять? Смотрю внимательно на телефон. А, на год раньше, 2004-й. Странно, почему именно сюда?.. Тихо... мамы нет? Скорее всего, в командировке, она раньше часто ездила по работе. Что мне делать?... Ах, как хорошо, светло, солнце. Так, надо вставать!

Я закружилась по комнате, чуть не врезавшись в свой старый туалетный столик. Тело было легким, подвижным, слишком... как будто не мое... оно и не мое... Надо потише радоваться.

Я такая молодая! Надо накраситься, пока... не важно. Так, что тут у меня есть? Куча какого-то дешевого барахла: дешевые тени, отечественная тоналка. Я этим красилась?

Так, как накраситься? Поярче? Не стоит, все-таки в универ иду. Ммм... а если загадочная незнакомка? Как образ? И прическу по-другому сделаю! Может, мне волосы покрасить? Но я тут ненадолго... Ладно, просто макияж и прическа в загадочном стиле!

Выпорхнув из дома, я помчалась в универ. Осеннее солнце мягко грело руки и лицо, пока я ехала в автобусе. Вспомнила, что было в тамбуре, и прикусила губу. Что на меня нашло тогда? Так давно не была влюблена... Я влюблена? После одного поцелуя? Нет, не может быть... Но что это тогда было? Но он пока ничего не знает, сейчас, в 2004-м. «Снова» — эти слова вызывали непонятное чувство. Эта тайна только моя, никто ничего не знает, она только моя. Я расплылась в хитрой улыбке, как кот из «Алисы в стране чудес».

— Оо, с чего вдруг такие перемены?

— Привет, ты о чем? — Я поцеловала Надю в щеку в знак приветствия.

— Макияж, наряд, прическа, кого собралась соблазнить? — она хитро прищурилась.

— Тебя, но не вышло. — Моя тайна, только моя, не знаю, почему я ее скрываю даже от лучшей подруги.

Надя взглянула на верхние ряды лекционного зала с тоской в глазах. Там сидела веселая компания.

— Пойдем сядем наверх, ко всем, там и Аня всегда сидит, — как-то тягуче и нараспев произнесла она.

Мы сели рядом с ребятами наверху.

— Я уверена, Леше перед сном не сказки читали, а учебник по высшей математике, — сплетничала Яна.

— Ну, это хорошо усыпляет, — отвечала Олеся.

— Девчонки, вы тоже с нами! Сегодня всех попросили остаться, помочь с подготовкой к празднику, вы как? — Яна смотрела на нас с Надей.

Точно, была подготовка к празднику «День первокурсника», нас оставили всей группой подготовить плакаты и объявления. Помню, мы с Надей сбежали от этой повинности.

— Давай потихоньку уйдем? — шепнула она. В этот раз все также, она хочет уйти. Но мне хочется остаться, подольше побыть со всеми.

— Я останусь, но ты можешь сбежать, я прикрою, — озорно шепнула я в ответ.

— Нет, тогда я тоже останусь, — моя верная и преданная Надя. Мы почти всегда были вместе, как сиамские близнецы: куда она — туда и я, и наоборот. Это так приятно, жалко, что всему придет конец.

— Больше двух — говорят вслух, — громким, почти театральным шепотом сказала Яна.

— Мы останемся, все равно заданий пока нет, — ответила я.

Все весело болтали, а я ждала Лешу, думая о своем секрете. Думать ведь можно, от этого никому вреда не будет. Он вошел и своей обычной спокойной походкой сел на свой люби-

мый ряд в середине аудитории. Пришел писать лекцию. Вслед за ним появилась Аня. Девочки начали ей махать, она их поприветствовала, но села тоже в середину, рядом с Лешей, в соседний ряд.

— Аня... — выдохнула я...

Когда я впервые увидела Аню — отдельная история. Был наш первый день занятий, лето еще не кончилось, и было очень жарко. Солнце было ярким и слепило глаза. Двери в здание были почему-то закрыты, или я приехала очень рано. Подошла пара ребят и начали весело разговаривать и знакомиться друг с другом.

С солнечной стороны не спеша появилась фигура девушки со светлыми распущенными волосами и легким шарфиком вокруг шеи, которые мягко плыли вместе с ней на ветру. Из-за света ей в спину казалось, ее изящная и тонкая фигура рисовалась четким силуэтом, а свет делал одежду воздушной, почти нереальной, балетной, с кинематографическим эффектом.

Она была нашей главной отличницей на курсе. У нее вообще не было четверок. Только пятерки. Любого была готова выручить лекциями, помочь разобраться в сложной теме, делилась домашкой к семинару со всеми, кто попросит. Заучивала страницу текста наизусть, просто прочитав ее один раз. У нее был красивый почерк, конспекты Ани пользовались популярностью. Хотя я и прилежно вела записи, мой почерк оставался «курица лапой», их редко кто брал.

Однажды меня прилюдно начала отчитывать преподавательница за неправильно написанный реферат, в конце ее замечаний Аня вставила фразу: «Зато как красиво, это творческий подход!»

Наша звездочка учила несколько языков и неплохо уже говорила на них к моменту поступления. Это тот тип хороших девочек, которые еще и успешны во всем, за что берутся. На нее мне хотелось походить хоть чуточку. Была какая-то сессия, где я закончила с одними пятерками. На лист зачетки так приятно было смотреть. А у нее вся зачетка состояла из пятерок.

С Аней хотелось дружить всем девочкам, даже моей лучшей подруге больше нравилась она, чем я. Их искренней дружбе мешала Анина популярность и вечный рой людей вокруг, поэтому Надя довольствовалась мной. Мы были реальностью, в то время как она оставалась кинематографическим силуэтом на солнце.

Думая об этом, я смотрела на Аню: она постоянно поворачивалась к Леше, что-то говорила. А он нагибался к ней, заглядывая в тетрадку. Я что, ревную? Они никогда не встречались, и инициативы Ани бесполезны. Или нет?

Лекции закончились, и далее у нас был семинар по философии.

— Нет, ну когда ты умудрился взять доклад? Это наш первый семинар в этом семестре! — Леша шел по коридору, а Аня не отставала от него.

— Лекции-то были, — он был спокойный и невозмутимый.

— Вы слышали? Он уже с докладом! Хочешь побить рекорд по количеству? — Аня светила от счастья и горела желанием общаться.

— Нет, мне просто интересна была эта тема, — он это произнес немного сдавленным голосом.

Пришел преподаватель и открыл аудиторию.

— Ребята, проходите, давайте пораньше начнем, я вас пораньше отпущу. Алексей вызвался подготовить доклад. Прошу.

Доклад был про биографию какого-то философа. Роль оратора ему шла. Он как будто каждый день выступает. Листы с докладом были больше для антуража, он в них не заглядывал. Уверенность позы, граничащая с надменностью, спокойный тон речи, динамика повествования. Сухие факты были разбавлены интересными моментами. Он действительно постарался над тем, чтобы доклад было интересно слушать.

Там был момент, связанный с изменой. Чья-то жена завела любовника, а ее муж общался с ним с интересом. Леша добавил свой комментарий: «Что было странно». И пристально посмотрел прямо на меня. Я невольно съежилась. На моих губах запульсировал ожог от поцелуя. Хотя этого еще не могло быть. Вдруг, он просто смотрел на всех по очереди, а если... между нами уже и здесь что-то есть?

Мне захотелось понять, но как? По мимике? По жестам? Я не столько слушала доклад, сколько начала сканировать каждый его жест. Вот он переминается с ноги на ногу, смотрит вдаль сквозь ряды, заглядывает в листы доклада, словно проверяя, ничего ли он не забыл. Не понимаю. Доклад закончен, он сел на место, оставляя меня без подсказок.

После пар мы, как и обещали, помогали с подготовкой к празднику. Я кистью рисовала силуэты девушек в народных платьях, Аня и Надя выводили красивые каллиграфические буквы. Я неплохо рисовала, не шедевры, конечно, но для наших плакатов пойдет. Мы были в большом лекционном зале внизу. Сдвинув парты к середине, получился большой стол, вокруг которого мы и расположились.

Плакаты были закончены, и, пока они сохли, кто-то предложил поиграть в прятки. Разделились на две группы: условно, искатели и прячущиеся. Искатели должны были найти хотя бы кого — то одного, а прячущиеся — не попасться. Проигравшие убирают зал.

Прячущиеся шмыгнули из зала, я была среди них. Там оказался и Леша. Искатели остались в зале и должны были подождать 10 минут. Мы бегали, как дети, туда-сюда, скрываясь от посторонних глаз.

Я укрылась в темном коридоре, присев за бетонным поручнем лестницы. Долго сидела так и слышала шаги. Было очень тихо, и все звуки отскакивали от стен и с грохотом проносились по бесконечному коридору. Я вжалась спиной в холодный бетон, ожидая, что меня найдут, но меня нашел Леша!

Он подошел и сказал: «Плохо прячешься. Уходим, быстро». Он взял меня за руку, и мы побежали. «Сюда», — забежав в пустую темную аудиторию, освещенную холодным светом уличного фонаря, мы спрятались за приоткрытой дверью.

Мы стояли между дверью и стеной, лицом друг к другу, очень близко. Стук сердца заглушал все. Я старалась тише и плавнее дышать, но у меня ничего не получалось. От него пахло каким-то мускусным, еле уловимым ароматом. Прошла целая вечность или несколько минут. Издалека начали приближаться шаги, и с их приближением становилось и страшно, и смешно. Одной рукой я схватилась за его предплечье и сильно сжала.

Шаги приблизились максимально, кто-то был прямо около нас, судя по звуку, он зашел в аудиторию, осмотрелся и вышел. Я смотрела в щель двери, но видела только тени. Звуки шагов начали удаляться, пока полностью не растворились в тишине.

— Отпустишь меня? — я подняла взгляд. Леша смотрел прямо в глаза, сверху вниз. Не похоже, что между нами что-то уже было.

— Ой, да, прости, — меня пробило на тихий смех от ситуации. Ровно через год ты будешь страстно меня целовать, а сейчас даже не притрагиваешься.

— Чуть не попались, — он выглянул из аудитории и осмотрелся. — Это явно был кто — то из наших.

— Ну да, не очень хочется проиграть спор, — выйдя из нашего тайного места, я прислонилась к ближайшей парте, опираясь на нее руками сзади. Колени у меня подкашивались.

— Сидим тут? Если здесь проверили, то пока тут безопасно. Ты хорошо рисуешь. Училась где-то? — он озорно на меня смотрел, изучая, стоя в паре шагов.

— Да, ходила в художку, так и знала, что в жизни пригодится, — как можно непринужденнее сказала я, не отрывая от него глаз и кое-как разумом противостоя его магнетизму к моему юному телу.

Разрывая тишину, заиграла чуть слышная музыка откуда-то. Леша, словно бросая мне вызов, забавно улыбаясь и тоже еще не успев отдышаться, взмахнул рукой, приглашая меня.

— Откуда музыка? — словами пытаюсь создать дистанцию, так как сама я подала ему руку и сделала шаг вперед.

— Не знаю, забавно же, — дистанция испарилась, он подхватил меня, и мы закружились, как в вихре ветра. Его ладонь на моей спине была обжигающей. Было, невыносимо, хорошо.

— Это что? Вальс? — истерически хохоча, сказала я. — Ой, слишком громко, бежим! — люблю убежать...

Мы помчались в обратную сторону, держась за руки. Добежав до конца коридора, услышали как кто-то кричал: «Ну все, выходите, время вышло, слышите, все сюда».

— Мы, похоже, победили! — сказала я, радостно подпрыгнув и рукоплескнув. Мне давно не было так весело.

— Тогда идем в зал, — запыхавшись, как и я, он с каким-то детско-игривым взглядом смотрел на меня. Как маленький мальчик в магазине с кучей конфет.

Надя никого не смогла найти. Аня нашла сразу трех человек. Она сияла:

— Это было легко!

— Ты же останешься со мной прибираться? — спросила Надя. Я кивнула. Мы с ней и еще несколькими ребятами принялись за уборку.

— Я тебя искала, где ты прятался? — Аня победно подхватила Лешу под руку, и они вышли из зала. Они идеально смотрелись вместе. Только что был так близко, мы танцевали, а теперь... Этот танец ничего не значит? Ему все равно? С одной потанцевал, с другой ушел под руку? Он даже не обернулся, не сказал «Пока», даже из вежливости. Это же банальная вежливость! Маленький, заносчивый и какой надменный... Я сжала челюсти, плечи напряглись, а руки больно сжали кулаки, врезаясь ногтями в ладони.

— Что с тобой? Почему такая красная? — Надя смотрела на меня усталыми глазами и говорила раздраженным тоном.

— Да нет, наверно, от беготни.

— Слушай, я осталась только ради тебя, ты будешь помогать? — Надя, ну только не сейчас. Вдох, выдох, вдох, выдох.

— Ну вот я и отдышалась, — сквозь зубы сказала я, — давай прибираться.

Глава 4. Не только зумеры не любят работать

Тихий вечер, теплый и свежий. Улица была молчаливой и сонной. Только стук моих каблучков нарушал спокойствие фонарей. Надя уехала домой намного раньше меня, а мой автобус все никак не приходил. Отчаявшись, решила прокатиться на любом другом попутном, но до дома нужно теперь прогуляться. Ко мне вернулось спокойствие и мысли выстроились. Теперь я вспомнила: Леша мне когда-то нравился, но я решила отступить, видя симпатии Ани. Не знаю что это было, женская солидарность или страх неравной конкуренции. Наверно, поэтому я так сегодня разозлилась. Вспомнила старые раны. Но я почувствовала себя такой живой, и наш танец, и тот поцелуй. Мне так не хочется уступать, теперь, не хочется его отпускать. Теплота разлилась по венам от воспоминаний, в груди затрепетало и стало так радостно.

Вот и мой дом. А в доме мама. Точно! Мама! Кружится голова... что с полом... падаю...

Я резко села. Темно. Почему так страшно? Почему я проснулась?

6:59. Опять до будильника. Надо вставать. Тело сопротивлялось, ноги привычно нашли тапочки.

Холодно. Когда уже включают отопление? Рука ноет. Как я вчера умудрилась... Мое отражение, это я? Подхожу к зеркалу. Я как будто помолодела, или отеков поменьше стало... Нужно заклеить руку пластырем.

Включаю свет. А, нет, показалось. Отеки на месте. Но что-то поменялось. Глаза все те же, как и раньше, да и волосы, хоть и с сединой, но так даже лучше.

Ладно, самолюбование оставим на потом. У меня столько косметики... Может, с парочки стряхнуть пыль? Хотя бы тоник и крем нанесу.

Я вдруг вспомнила, как одна ездила в парк, после окончания университета. Мне хотелось воздуха и развеяться. Я получила свой долгожданный красный диплом, но на душе было так тоскливо почему-то. Бродила там одна, между фонтанов и разных арт объектов. Вокруг было много народу, но я никого не знала, была одна. Почему я поехала туда одна? И сейчас похожая тоска. Мои руки потянулись к пудре.

Я не влюблена, и нет болезненной привязанности, которую стоило бы забыть, но в душе, как в мелодраме, я кого-то или что-то забыла, но кого и за что — не знаю или не помню. Люблю, но не пойму, кого. Сдуваю пыль с палетки теней, купленной по рекомендации имени того блогера. А возможно, это просто желание любить, заполнить дыру никому ненужности. Не понимаю, что со мной, в кого я так судорожно пытаюсь влюбиться или забыть, или еще что-то.

Окончательно запутавшись в своих чувствах, мне не хочется продолжать. Эмоциональный тупик. Не знаю, что дальше, куда идти, что искать. Где-то внутри чувствую дрожащий, сжатый комочек, который боюсь отпустить. В фонтане парка плавала уточка, и она была одна. Обычно они плавают парами, а эта тоже была одна. Тогда я подумала: мне и правда лучше одной. Я тогда приняла такое решение? Тушь еще не засохла окончательно, я ею пользовалась пару раз. Поэтому в моей жизни никого больше нет: ни подруг, ни мужа, ни мамы... Как она там?.. Она тоже чувствует одиночество? Или уже нет?

От усилий навести марафет в зеркале появилась размазанная тетка. Я как отчаявшаяся кассирша в ночном супермаркете. Мне такое внимание не нужно. Взяла ватный диск и смыла всю красоту молочком. Да, так лучше. Мне, по-моему, что-то такое снилось, что я красилась, но в старой квартире, не тут.

Почему мой шкаф — это полная коллекция всех оттенков серого? Причем в самом скучном смысле. Серо-зеленый, серо-синий. О! Светло-серый! Это было смело. О чем я думала,

когда покупала такое безумие? Когда я начала носить сплошные водолазки и брюки? У меня где-то была юбка... И блузка даже есть. Был ли в этом смысл, если только для меня? Ладно, пора на работу.

— Доброе утро. Оо, вы что, ботокс вкололи? — громким шепотом спросила секретарь. Зря я юбку надела.

— Нет — я смутилась.

— У вас межбровка меньше стала — значит не в юбке дело.

— Наверное, просто выпалась.

В конце коридора заметила Ольгу. Она громко ругалась с кем-то по телефону. Типичная хищница: хороший специалист, профессионал высокого уровня, уверенная, стройная и высокая. Но есть один фатальный недостаток. Она постоянно выбирает жертву и доводит ее или до ручки, или до увольнения. Недавно ее выбор пал на меня.

— Сегодня будет тот еще денек, судя по настроению некоторых, — секретарь кивнула головой в ее сторону.

— Не берите в голову эти глупости.

— Да нет, серьезно, мне кажется, это у нее гормональное что-то, она всегда была конфликтной, но в последнее время...

— Слушай, пока не забыла, напомни всем о планерке в 11, пожалуйста, — хорошая девочка, но границы путает, нет сил и ее воспитывать.

— Да, хорошо.

Я оставила пальто и сумку в кабинете и вышла из него, направившись в кухню, чтобы сделать себе кофе перед собранием, которое я и возглавляю, как менеджер проекта. Подходя к комнате, я услышала разговоры, доносящиеся из-за двери, но как только я толкнула дверь, все притихли. Внутри была Наталья и ещё две сотрудницы. Одна из них с рыжими прямыми волосами и круглым лицом растянула, как ниточку, тонкую улыбку от уха до уха и покосилась взглядом на Наталью.

— Доброе утро.

— Доброе, доброе.

Я подошла к чайнику, он был горячим, но пустым. Налила воды и поставила кипятиться. Достала растворимый кофе с полки, чашку из сушки и положила две ложки. Они продолжали молчать. Чайник начал шуметь. Я смотрела на него. Он наконец вскипел и я залила себе в чашку кипятка.

Идя по коридору, я помешивала кофе. Стук ложечки раздавался эхом. Так, нужно сосредоточиться, сегодня проклятая планерка, мы не укладываемся в сроки, нужно понять, насколько и как это все исправить. По коридору прошел Олег Петрович. Мне была видна только его спина в костюме. Парфюм залил собой весь коридор и немного затек в мой кабинет. Тяжелый мускусный аромат. Всегда, когда вижу его, не могу отделаться от мысли, что он похож на одного аргентинского актера из сериала.

Мне что-то такое снилось, начальник? Нет, я с кем-то танцевала... с одноклассником, мне приснился университет. Как его звали? Он же еще был сыном ректора, один из лучших на курсе. Почему он вдруг приснился?

Тепло рук, помню как сейчас, и его объятия, нежные, но решительные. Я смотрела вниз на свой стол и ладони, щеки вспыхнули. И это мой не первый сон о нем. О Боже, мы целовались. Такой реальный сон, как будто все было на самом деле. Как же его звали? А, вспомнила! Леша!

— Эй, вас все ждут в переговорке, — меня вернул шепот секретаря.

— А, да, спасибо, иду, — взгляд упал на файл с документами и желтый стикер с буквой «М»... точно, мамины документы, нужно ими заняться, но сначала планерка. Я решительно направилась ко всем.

— Итак, давайте начнем. У нас поджимают сроки, прошу всех сосредоточиться. Кто первый? Давайте, как всегда, с бэкенда начнем. Удалось отладить? — мой голос с металлическими нотками произнес это.

— Да, был реализован функционал...

Слушая и фиксируя все, понимаю, что сроки будут нарушены и нужно сокращать объем задач, чтобы закрыть спринт вовремя. Меня ждал неприятный разговор с Олегом Петровичем. Нужно будет согласовать упрощение функционала в первой реализации проекта. Представляю как он обрадуется. Я тяжело вздохнула.

Вхожу в кабинет, вижу нависшую над моим столом Ольгу. Коллега по соседнему столу посмотрела на меня быстрым взглядом и отвернулась в монитор, делая вид что у неё много работы. Другие делали тоже самое.

— Вы что-то хотели? — пытаюсь сохранить мертвенное спокойствие, спросила я.

— Да, хочу понять, чем вы тут занимаетесь, когда проект вообще не готов к запуску? — она выпрямилась. На её белоснежной блузке была маленькая золотая брошь.

— Поняли? — мой голос предательски дрогнул.

— Уж поверьте, я все поняла! Что это за личные документы у вас на столе? — она достала из кипы бумаг те самые документы для оформления пенсии маме по инвалидности. — Объясните. Все вокруг работают, стараются... — тон ее становился все громче и громче, лицо наливалось багровой краской. Мама, я совсем о ней забыла, и про бумаги забыла, все нет времени. На маму нет времени, что я за дочь такая. — ... Я все донесу до руководства! — она подняруку, как будто замахиваясь и кинула на стол бумаги с желтым стикером. Также яростно она покинула помещение, а я испытала опустошение.

Мне захотелось выйти и побыть одной, чтобы прийти в себя перед разговором с начальством. Она побежала доносить, ждать не будет, может, еще что наковыряла в моих бумагах, хоть в сейф все убирай. И как назло, нужно либо сроки продлить либо функционал резать.

Я бродила по коридору. Вокруг были другие работники, которые странно на меня смотрели. Или мне так казалось. Я закрылась в туалете. Абсолютно нечем дышать. Я как будто тону. Руки дрожат. Что со мной? И эта лампа светит прямо в глаза. Виски сейчас лопнут. Я обхватила голову руками и сделала глубокий шумный вздох... проваливаюсь... вниз...

Глава 5. В первый раз?

Что такое? Такая слабость? Ноги и руки ватные. Звенит будильник старого телефона. Значит, я опять вернулась. Но почему такая слабость? Заболела, что ли? Лоб пылает. Но я не хочу просто весь день лежать в постели, пока я тут.

На улице шел дождь. Посмотрела на дату на телефоне: 12 октября 2005 года.

Так, что сегодня по расписанию? Доклад. На столе диск и листочки в папочке. Видимо, мой доклад. Да, тему я знаю, и тут все подготовлено, можно просто зачитать с листа. Всегда тщательно готовилась. Закинусь лекарством, и должно прокатить. Ой, какие глаза и нос красные. Наверняка, в аптечке есть и от этого скорая помощь.

Нади нет на нашем обычном месте, наверное, она уже внутри. Нет, и около аудитории ее нет. Может, тоже болеет. Голова кружится. Лоб вроде бы остыл, и нос уже не такой красный. Я посмотрела в карманное зеркальце. Сегодня не красилась, наверное, я совсем как моль.

— Где ты Надю потеряла? — подошел Леша! Так внезапно! Я застыла в ужасе. Так, мы танцевали, целовались, о Боже, это уже было, наш поцелуй, как мне себя вести? Что он спросил?

— Что, прости? — я набралась смелости или наглости и решила атаковать, посмотрев ему в глаза самым равнодушным взглядом.

Он переменялся в лице, что-то вроде удивления или изумления. Он догадался?

— Всем привет! Я вам что, помешала?

Яна и ее пронизательность. Как она все поняла?

— Привет. Я болею, не подходи близко, — я немного шмыгнула для вида, но все что хотела на самом деле — это переключить ее внимание.

— Привет, ты не заметила пропажи?

Леша решил пошутить? Не помню, чтобы он шутил хоть когда-нибудь.

— Ой, точно, Нади нет. Она что, тоже болеет? — она воскликнула это с удивлением в тоне.

— Видимо, я с ней еще не созванивалась сегодня, — мой голос стал сиплым. Видимо, простуда прогрессирует.

Началась пара, не особо помня без Нади, где наша парта, я села на последнюю.

— Самоизолируешься? — Яне все нужно знать. Почему всем так интересно, что я делаю? Я веду себя странно? Поэтому.

— Пытаюсь, — я улыбнулась и хотела казаться дружелюбной.

Леша сел на соседний ряд, но тоже в конце. Он всегда тут сидит? Или специально сел? Он посмотрел на меня каким-то тяжелым, оценивающим взглядом. До мурашек... Я открыла свою тетрадку и уткнулась в нее, решив сосредоточиться на теме семинара. Меня не покидало ощущение, что я провинилась. Стоило мне оторваться от тетрадки, как я видела его взгляд на мне. Старалась вообще не смотреть.

Перерыв. Я собралась и направилась на следующую пару. Леша шел за мной. Ничего странного, ему нужно было на ту же пару. Почему тогда я чувствовала даже спиной его взгляд? Напишу Наде. Не хочу поднимать глаза. Пишу: «Привет, ты где сегодня? Болеешь?» Отправила. Ответа нет. Где она, когда нужна? Я часто ею прикрывалась. Подняла глаза — Леша! И опять его взгляд. Куда мне скрыться?

Единственное место, куда он не проникнет: дамская комната. Я забежала в туалет, закрыла за собой дверь кабинки. Запиликал телефон. Я чуть его не выронила в унитаз! Надя! SMS: «Болею, а ты все-таки пошла?». Отвечаю: «Да, доклад у меня. Выздоровливай!». До конца перерыва сидела в своем укрытии. Это моя паранойя или он действительно следит? Почему я убегаю от него? Если бы хотел что-то рассказать, уже бы сказал.

На паре опять сидела в конце ряда, он тоже, но в соседнем. И опять я как на ладони, и не скрыться. Может, и не надо? Надо просто успокоиться. Доклад! На следующей паре мне нужно выступить.

На очередном перерыве решила прикрыться от него докладом. Мне действительно его нужно было повторить. Лоб опять горячий. Меня знобило, хотя я была в огромном свитере. Преподаватель задерживался, и мы стояли все вместе перед закрытой аудиторией. От ребят чувствовалась забота обо мне. Девочки из группы столпились вокруг меня, замыкая плотный круг.

— Почему ты пришла, тебе бы отлежаться?

— Хотела сделать доклад, так много готовилась, обидно будет не выступить.

— Ну да, мне бы тоже было бы обидно, — Аня всегда была фанаткой учебы.

— Ты совсем разболелась, выглядишь плохо, — в голосе Яны была нежность, похоже она тоже искренне за меня переживала, это было давно забытое чувство теплоты. Обо мне давно так никто не переживал.

— Да со мной все нормально, просто грипп или простуда, завтра буду отлеживаться.

Леша стоял, прислонившись спиной к стене, его руки были скрещены на груди. Он внимательно смотрел на наш кружок, особо не проявляя эмоций. Пару раз я невольно взглянула на него. Мелькнуло воспоминание о поцелуе, после которого он разозлился. Он все еще злится? Ждет объяснений? Но что мне ему объяснить? И сколько прошло с момента того поцелуя для него? Месяц. Он еще помнит его? Может, я молодая что-то ему сделала? Но что, что я могла сделать?

Мое выступление прошло гладко. Я смотрела на слайды моей презентации, которые были на диске, и прикрывалась листочками. Только один раз я взглянула на Лешу. Он сидел смотря на парту, и о чем-то думал. Преподаватель похвалил мою подготовку. Даже спросил, кто мне помогал.

После доклада решила отправиться домой, не досиживая последнюю пару, так как стало намного хуже. И еще мне хотелось скрыться от тяжелого взгляда Лешки. В общем, я ушла по-английски, не прощаясь.

На остановке было пустынно и холодно. Жду автобус, но его нет. Открыла телефон. Может, поговорить с ним, позвонить? Но он же на паре. Тогда после. Подъезжает машина, за рулем — Леша.

— Садись, я подкину тебя до дома, мне по пути.

— Ты знаешь, где я живу? — он уже меня подвозил? Чему я удивляюсь, скорее всего. Что за отношения у нас?

— Садись, холодно, еще больше простынешь.

Немного подумав, я повиновалась и села. Мы поехали. В полном молчании. Хорошо, что он смотрит на дорогу, а не на меня. Не знаю, как себя вести, я как школьница. Вспомнилось как мы танцевали, а потом он ушел под руку с Аней. Но они не вместе и вроде бы он расстался с девушкой недавно. Голова сейчас взорвется от мыслей. Я посмотрела на его лицо в надежде разобраться. Он очень сосредоточен, но спокоен. Для него наш танец был больше года назад. Интересно, он его помнит?

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, вроде бы разошлась.

Повисла пауза. Мы ехали, мимо проносились здания. Почти подъехали к моему дому. Не хотелось с ним прощаться.

— Давай поговорим? — он произнес мягким и бархатистым голосом, почти шепотом.

— Давай, — тихим голосом ответила я.

(«Может, все ему объяснить, рассказать как есть? Поймет ли он меня?»)

— Но не в машине, — его голос был такой спокойный. Из-за болезни я плохо соображала и была немного как пьяна. Все, что мне сейчас хотелось, это продолжать.

Здания закончились, мы выехали на трассу. Солнце начинало садиться, и все залило желтым цветом.

— Куда мы едим?

— В тихое место, — я продолжала смотреть на него. — Не съем я тебя, привезу домой к двенадцати.

Моя мама всегда требовала, чтобы я возвращалась к двенадцати, не позднее. Так странно, что он это упомянул. Мы мчались по трассе, было уже темно, хотя и не так поздно. Рано темнело.

— Как Золушку? — мне просто хотелось еще послушать его спокойный голос.

— Не понял?

— Привезешь к двенадцати как Золушку, если опоздаешь, то я стану тыквой. — не знаю почему этот бред с тыквой пришел мне в голову.

Он только ухмыльнулся и нажал на газ, не отрывая глаз от дороги. Мы молчали, но рядом с ним было тепло, безмятежно.

Наверное, это из-за вчерашних прятков я так к нему прониклась. Только я никак не могу вспомнить наверняка, встречались мы в прошлом или нет. У нас что-то было, но это было так давно... или не было. Мой пас перед Аней... Я посмотрела на Лешу и пыталась в его чертах разглядеть ответ на мои вопросы, возможно, вспомнить что-то.

— Ты опять так смотришь, — он немного поерзал, как будто ему неудобно.

— Как так?

— Вот так, как сейчас.

Повисло молчание, он посмотрел на меня, а потом опять быстро перевел взгляд на дорогу. С какой скоростью мы мчимся?

Мы свернули с шоссе в какой-то городок или поселок. Потом пошли дачные домики. Он привез меня на свою дачу?

Он вышел и долго открывал ворота. Мы заехали и оказались в приятном ухоженном дворике. Это была явно дача его родителей. Перед нами оказался двухэтажный коттеджный дом из красного кирпича.

— Пойдем, — он направился к крыльцу и открыл дверь.

Внутри было прохладно и темно.

— Сейчас я все включу, снимай куртку, я принесу тебе плед, тут холодно, — он забрал мою мокрую куртку и куда-то ушел. Я осталась одна в большой пустой комнате. Слева была кухня. Что-то щелкнуло, и зажегся свет. Я увидела пару кресел и телевизор, в углу — камин.

— Чай будешь? — крикнул он издали, деловито и по-хозяйски.

— Да, — крикнула я в ответ.

Он вернулся с пледом в руках, накинул его на меня. Мы оказались очень близко, как тогда, когда прятались за дверью. Я посмотрела на него, также снизу вверх. Он приблизился, не очень решительно, как будто спрашивая: «Можно?» Его взгляд скользнул на мои губы.

— Заразишься, — прошептала я.

— Я рискну, — он поцеловал меня. Наши губы сплелись в чувственном поцелуе, немного робком, но продолжительном, постепенно переходя в более зрелый, страстный и нецеломудренный. Он прижал меня к себе, плед соскользнул с моих плеч. Мои ноги стали подкашиваться, такое впечатление, что я на секунду отключилась. Меня подхватили и усадили на кресло.

— Вот твой плед, — Леша укрыл меня им. — Прости, ты же болеешь, — он сел около кресла на пол и взял мою ладонь.

— Ничего, это пройдет. Просто голова закружилась, — давно никто не держал меня за руку так нежно.

— Как ты себя чувствуешь? Может, зря я тебя сюда притащил?

— Нет, все хорошо. Мне не хотелось домой, — («хотелось побыть с тобой»), добавила я про себя и тут же пресекла эту мысль. Не нужно терять голову, пока не пойму, что происходит. Это сон или реальность?

— Ты бываешь такой предельно честной. Другая бы на твоём месте заявила, что ей надо домой или еще что-то, чтобы набить себе цену, — на кухне закипал чайник.

— Мне надо домой, но попозже, — тихо сказала я. Переключатель чайника щелкнул и он затих.

— Я сделаю чай, — он встал и спокойно пошел на кухню. Оттуда начали доноситься звуки открывающихся шкафчиков, шелест пакетиков и звук льющегося из чайника кипятка. Вспомнила, как обожгла руку недавно, но ожога нет, он уже зажил? А, да, точно, его еще нет.

Он вернулся и протянул мне кружку, рукава его рубашки были закатаны. И он опять сел на пол около кресла.

— Спасибо, — я взяла чай и продолжила смотреть на него.

— Мне казалось, если привезу тебя сюда, на свою территорию, я лучше смогу понять тебя.

— Что ты хочешь понять?

— Ты всегда такая... тебе как будто пофиг, просто учишься ради учебы. Я знаю, что ты тоже переживаешь из-за оценок, но только из — за своих. Конкурсы тебя тоже не волнуют...

— Может, я не участвовала в конкурсах, потому что знала, что мне не победить?

— Может, но что тебе важно? Хочешь, я помогу тебе с подготовкой к конкурсу? Я уже предлагал тебе это на днях, если помнишь, ты сказала «не надо», а я выглядел как дурак.

— Я просто объективно оцениваю свои силы, с такими, как Аня, мне не тягаться. А вот ты можешь. Ты же у нас лучший на потоке.

— После Ани, — он ухмыльнулся и отвернулся в сторону, — Я всегда был на первом месте в лицее, на олимпиадах, почти всегда. А теперь всегда второе место. Я так устал от этого, — процедил он еле слышно.

— Ну, не всегда, иногда и ты первый. Мне кажется, вы наравне. Один балл больше, один меньше. Это не считается.

— Да, только не у меня в семье. Мне нужно быть примерным во всем, держать лицо, репутацию, не говорить лишнего, не делать лишнего и быть везде первым. Я должен быть лучшим.

Видя его переживания, его сломленного славой и давлением окружающих, мне хотелось утешить его, обнять и отогнать эти глупые мысли. Я спустилась с кресла к нему на пол, поставила чай и обняла его.

— Ты же золотой мальчик, лучший на курсе, с блестящим будущим, с кучей поклонниц. Твоя семья вероятно и давит на тебя, но, наверно, потому что видит твой потенциал. Что тебе еще нужно для счастья?

Он издал нервный смешок и отстранился.

— Мне ты нужна, — очень тихо и смотря прямо на меня, сказал он.

— Я с тобой сейчас, — тихо произнесла я, все так же сидя на полу. Выражение его лица стало странным, взрослым, взгляд стал тяжелым, пронизывающим: оно и пугало меня, и притягивало.

— Тогда иди ко мне...

...

Мой чай остыл, я к нему не притронулась.

Наверное, я сделала глупость, и мне стоило устоять, но он так хорошо знал мое тело. Это не в первый раз? Надеюсь, это все просто сон или мое безумие.

Он вез меня обратно, держа за руку. Как и обещал, доставил домой до двенадцати.

Остановившись перед моим подъездом, он смотрел вперед вдаль.

— Каждый раз, отпуская тебя, думаю: это все или нет? Что скажешь?

Как мне ему все объяснить?

— Я постараюсь вернуться. Но... — он сжал мою руку, — ты не должен меня ждать. У меня может не получиться.

Он ухмыльнулся и отвернулся. Да что я несу!

— Я не то хотела сказать, я не бросаю тебя. Не помню все наши встречи. Что я тебе уже рассказывала? — я полностью повернулась к нему сев боком на сиденье.

Он повернулся, смотря на меня непонимающим взглядом.

— Ты не любишь объясняться, — тон был спокойный и ровный. Он казался опять таким взрослым.

— Как давно мы стали... — я искала нужное слово, чтобы не задеть его.

— Ты не помнишь? — немного дрогнули только его брови, но больше ни в лице ни в голосе не было перемен.

— Нет... — я сдалась. Скажи мне, что происходит?!

— А что ты помнишь? — он не отрываясь смотрел на меня.

— Помню наш поцелуй в тамбуре, когда ты подкараулил меня.

— Раньше ты помнила больше, — он опустил глаза, смотря на мою руку, которую он так и не отпустил. Он водил большим пальцем по моей ладони.

— Что еще было? — да что такое, Леша, я все выложила, скажи хоть что-то!

— Когда вспомнишь или вернешься, не важно, напиши мне сразу, как обещала, тогда и расскажу, — он расплылся в саркастической улыбке. — Поцелуешь меня на прощанье, как в последний раз? — он посмотрел на меня уставшим, грустным взглядом. Внутри у меня все сжалось. Я ринулась в эти глаза, в эту пропасть. Мне захотелось раствориться, забыть про все, что было, что будет, даря себя моменту и чувствуя живой.

Кто-то посигналил сзади, мы перекрыли проезд. Я выскочила из машины и убежала в подъезд без оглядки.

Глава 6. Жалость аргентинского актера и ролики

Я спиной подперла железную дверь подъезда, словно стараясь закрыть ее еще плотнее. Свист колес. Надеюсь, он не попадет в аварию. Почти ночь, мое время на исходе. Я посмотрела вверх на лестницу. Всегда все заканчивается примерно в это время. Я вызвала лифт. Что я наделала... Но я пока здесь, все еще. Когда все закончится? Когда я вернусь? Всегда возвращалась, когда попадала домой... Вроде бы... От чего это зависит? Может, когда я засыпаю? Открываю дверь. Дома была мама.

— Почему так поздно? Ты же болеешь, — мама, моя мама... Она, наверно, грустит одна... Опять это чувство... Как будто я...

Так, где это я? Пол холодный, щека замерзла, плечо болит, будет синяк. Что я делаю на полу? Я отключилась? Офис, туалет офиса. Сколько я здесь? Посмотрела на часы. 11:55. Планерка закончилась где-то полчаса назад. Что это было?

Я вышла из кабинки. В зеркале меня ждала женщина средних лет с очумевшим взглядом. Я поправила одежду и волосы. Юбка мне идет. Надо ее чаще носить. Свою белоснежную блузку вроде бы даже не испачкала, у нас тут чисто. Можно валяться в обмороке хоть весь день. Я повернулась боком, чтобы посмотреть и спину. Нет, вроде все в порядке. Помыла руки. Ворвалась Ольга, посмотрела с ненавистью на меня через зеркало и ушла в кабинку. Настучала. Но почему тогда такая злая? Ладно, пойду доложу, что сроки мы провалим.

Олег Петрович стоял у своего панорамного окна и говорил по телефону. Рукой указал мне на кресло и жестом показал, что ему нужна еще минута.

— Да, хорошо, я вас услышал, хорошо, ... Все, до связи, — он был хмурый, продолжал рыться в телефоне, не отрываясь от него. — Так что там у вас с Ольгой?

— Я хотела сначала про проект поговорить? — Ну, если он меня сейчас уволит, мне даже легче станет. Я воинственно на него посмотрела. Терять мне было уже нечего.

— С проектом... — Он посмотрел на меня, его глаза мне показались, не знаю, странными, — Да, у нас изменения: один акционер нас покинул, финансирование будем урезать, нужно запустить то, что есть, побыстрее и подготовить презентацию. Займетесь? — он зафиксировал свои глаза на мне.

Я никогда не видела такой его взгляд. Если честно, он вообще никогда на меня не смотрел, не больше чем на фикус при входе.

— Но нужно будет существенно функционал порезать... — Почему он так внимательно на меня смотрит?

— Да, понимаю, нужно подготовить промоверсию приложения и урезанный функционал добавить в презентацию, — глаза продолжали смотреть на меня.

— Хорошо, можем тогда на неделю раньше уложиться. — Почему я вечно вспоминаю сцены из сериала, глядя на него? У него аргентинские корни?

— Это было бы отлично, — он улыбнулся, глядя своими угольками. Да, блин, я краснею?

— Что у вас с рукой? — он склонил голову на бок и глаза опустил на мою запясть.

— С рукой? — Я посмотрела на нее, там был пластырь, выглядывающий из под браслета. — А, обожглась вчера.

— Нужно быть осторожнее, может остаться шрам, — на этом он как будто опомнился, взмахнул головой, повернулся и направился к своему столу, а я пошла на рабочее место.

Выйдя из кабинета, я была немного в шоке. Почему так мягко со мной разговаривал? Ольга же должна была что-то рассказать. А-а-а... Я выдохнула, наверное, она рассказала про

мою маму... И он, видимо, меня пожалел? М-да... Раньше со мной разговаривали ласково, когда я вызывала симпатию, а теперь, когда вызываю жалость. Такой мужчина даже не будет рассматривать меня как что-то женственное.

Я дошла до своего кабинета. А что, если пройтись по магазинам после работы? Так, мне нужно сделать много звонков, чтобы согласовать функционал и новые сроки. Ладно, приступим. Я прокашлялась, настраиваясь на деловой тембр голоса.

После работы решила пойти в ближайший торговый центр. Пробки пережду и, может, что — то новое куплю себе, не серое. Бродя между витринами, вспомнила как с Надей мы ходили шопиться. Было весело. Сейчас что, опять в моде бохо? Все в рюшах, воланах, кружевах. Интересно, в таком можно в офис прийти? Что скажет Олег Петрович? Сомневаюсь, что он заметит разницу, что кто-либо заметит. Ой, есть хочу. Сегодня без обеда. И дома есть нечего. Фастфуд? Я и так в этой юбке кое-как помещаюсь. Надо заказать еды, пока еду уже привезут. Померяю вот эту блузу, если подойдет, беру и домой.

Курьер оставил продукты около двери. Забрала их и вошла в дом. Приготовлю побольше, чтобы завтра не готовить. Обморок в туалете — это не шутки. Хотя, вроде-бы, я просто уснула, мне даже сон снился. Такой приятный, о Боже! Он был... Поцелуями там не обошлось. Но Леша, почему он? Почему мне снятся такие сны с ним? Как он сейчас выглядит, интересно...

Я нашла его соцсети достаточно быстро. Они были заброшены уже много лет, но он женился и стал отцом большого семейства, судя по последним фото. Как он выглядит сейчас, непонятно. Узнала бы я его? А он меня? Есть шансы, что он преподает в нашем ВУЗе? Да, его фамилия есть среди преподавателей, но фото нет, у него есть ученая степень. Его семья, наверно, горда за него...

Моя семья, мама... Она не помнит меня, не узнает, кричит и срывается. Говорят, что это нормально при ее диагнозе. Альцгеймер. Врачи говорят, что вроде замедлили болезнь, но что разрушено, уже не поправить. Она меня забыла. Меня больше никто не любит, даже она. Помешивая гречку в кастрюле, понимаю, что не хочу есть. И к лучшему, похудею. Пройдут отеки.

Я убрала еду в холодильник до лучших времен. Пошла в душ. Долго текла ржавая вода. Что за район? За окном бомжи на каждой лавке, в доме текут помои вместо нормальной воды. Почему все наваливается на меня, не давая передохнуть? Почти уснув от ожидания, я все-таки помылась.

Открыла соцсети — опять этот Леша, не закрыла страницу. Уйди уже с глаз со своей идеальной жизнью! Я бы все равно в нее не вписалась. Была бы паршивой овцой, пятном на репутации. Даже если была симпатичной в юности, сейчас и этого нет. Все, что могу вызывать, — это жалость. Вот есть же люди: у них все по полочкам, и образование лучше всех, и карьера выше всех, и дома ждет тебя любящая семья...

А что есть у меня? Дрянная работа, коллеги — враги, подруга — предательница и мама, которая меня не помнит. Она не специально, конечно, но так это все... Хочется к... в свой сон, пусть мне приснится мой любимый сон... опять... любимый... сон...

Открываю глаза — лето. Такое свежее утро. Мой старый телефон. 10 сентября 2004 года. Встаю, тянусь за тетрадкой с расписанием. Мне сегодня ко второй паре. Так, у нас английский сегодня. Давно им не занималась. Может, вспомню что-то. Мама уже ушла. Когда я выходила, то споткнулась о сумку с роликами. Я раньше каталась... от дома до парка, а потом к набережной — мой любимый маршрут. Повторить бы как-нибудь.

В автобусе все было залито солнечным светом, город был еще сонный и неспешный. Сейчас бы кофе с собой.

Нади почему-то не было. Обычно мы встречались на остановке перед универом. SMS от нее тоже нет. Странно. Я побрела одна ко входу. Мне было не по себе без Нади в прошлом. Хотя я беспокоилась за подругу, но случись что-то серьезное с ней, я бы запомнила.

На английском нам раздали текст, и мы начали его разбирать. После его нужно было кратко пересказать. Так как Нади не было — ее место пустовало. Ко мне сел Леша. Обычно он сидел со своим другом, но его тоже не было.

Леша спрашивает у меня слова, которые он забыл, я подсказываю. Когда нужно отвечать мне, он делает то же самое. Мы как будто стали союзниками. Он очень удивлялся и радовался тому, как я выкручивалась, когда слов не знала: придумывала, как сказать по-другому, но сохранить смысл. Аня выступила идеально, без ошибок, без запинок. Ко мне прокралось смутное сомнение: Леша мне подыгрывал?

— Что это было на английском? Ты забыл язык? — Яна, прищурив глаза, смотрела на Лешу.

— Текст был трудный, — Леша придерживался своей легенды.

— Ну-ну, — Яна перевела взгляд с Лешки на меня и обратно.

— Я могу помочь с текстом, если кому-то нужно, — Аня смотрела на Лешу. Да, он магнит для девчонок, когда улыбается.

— Да чего тут помогать, его просто нужно выучить, — он перевел взгляд с Ани на меня, и мне опять показалось, что он — мальчик в магазине с кучей конфет: глаза разбегаются, не может выбрать. Меня так тянуло к нему, к его юности, легкости.

Больше чем уверена, что это не сон и не безумие. Все слишком реально. Вчера мы были так близки, он обещал все рассказать мне, если я вернусь, и был таким грустным. А теперь он стоит передо мной, улыбается, и кажется, что он счастлив. Я его несчастье? А этот монолог вчера — пустые домыслы? Ему лучше без меня...

Я отвела взгляд, навернулись слезы. Только не плачь, только не плачь...

Я схватила телефон и вышла из аудитории. Решила набрать Наде. Она не берет. Дошла до туалета. Слезы полились сами.

— Алло... Алло... Ты что там плачешь?

— Ой, да, привет, уже не думала, что ты возьмешь.

— Ты плачешь? С чего вдруг?

— Да, так, не знаю даже. Хотела узнать, где ты?

— У меня дома траблы с младшей сестрой, она ушла из дома, но мы ее уже нашли. Всю ночь ходили искать, а она у подруги была. Мелочь пузатая. Поэтому... — Надя зевнула, — ... я дрыхну. Ты из-за английского что ли?

— Да, нет, хотя да, из-за него. Надо будет огромный текст учить. Я взяла тебе копию.

— Понятно. Ну ты не реви, выучишь свой страшный текст. Я — спать, пока.

Она повесила трубку. Беседа меня успокоила. Ненадолго. Я умылась и попыталась скрыть следы слез. Вдохнула. Надеюсь, никто не заметит. Вернулась в аудиторию. Все весело болтали. Значит, не заметили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.